

«Слово о погибели» является лебединой песней,⁷¹ предсмертным ключем высокой культуры Киевской Руси, но вместе с тем, начертав бессмертный образ родины, оно стало политическим завещанием для Александра Невского и его потомков и для медленного возрождения Русской земли. Потому-то позднейшие книжники справедливо приставили его к житию Александра Невского и тем спасли от исчезновения.

10. Новое мнение В. Филиппа о «Слове о погибели»

Наши «Заметки» были уже сданы в печать, когда мы получили оттиск новой работы берлинского профессора Вернера Филиппа, посвященной отношению «Слова о погибели Русской земли» к житию Александра Невского.⁷² Большой знаток древнерусской политической литературы, В. Филипп еще в 1940 г. имел гражданское мужество рассказать о ее богатстве и о наличии в ней сильной патриотической идеи.⁷³

На X международном съезде историков в Риме в сентябре 1955 г. В. Филипп прочел доклад «О начале политической историографии в России», в котором правильно указал, что такие жития, как жития Александра Невского, Довмонта Псковского, Михаила Тверского, выходят из рамок агиографии и проникнуты светским, политическим элементом, как и житие Даниила Галицкого в Ипатьевской летописи.⁷⁴

В своей новой статье он подробно и убедительно доказывает, что гипотеза Н. И. Серебрянского о «светском житии» Александра Невского, вступлением к которому было-де «Слово о погибели», столь же мало обоснована, как и схожая гипотеза М. Горлина о «светском житии» Ярослава Всеволодича с тем же вступлением. В. Филипп правильно указывает, что наличное житие Александра не является результатом переделки, а первично и органично — оно представляет новый литературный жанр, в котором светские мотивы — описание подвигов князя — тесно сплетены с церковной окраской стили. «Слово о погибели» сильно отличается от этого жития своим поэтическим характером и широтой политического кругозора («земля Русская», а не «земля Суздальская»).

К сожалению, после этой блестящей критической части положительные домыслы В. Филиппа не столь удачны. Ему кажется, что Юрий Всеволодич упомянут еще как живой, поэтому датой создания «Слова» можно считать время между 1212 г. (вступление Юрия II на престол) и 1223 или 1238 г. Оно создано в окружении Ярослава Всеволодича, скорее всего в Новгороде, хотя решение вопроса о месте написания «не столь важно», ибо «Слово о погибели» посвящено не одной области Руси, а «Русской державе как целому» (*dem russischen Reich als Ganzem*). Это замечание справедливо, но с датировкой нельзя согласиться. Автор считает возможным отодвигать дату создания «Слова» к годам до татарского нашествия на основании явившегося у него странного толкования слова «погибель».

Он подхватил брошенную М. Б. Горлиным мысль о том, что слово «погибель» имело будто бы в древнерусском языке и смягченное значение — «опустошение», «ущерб» (*dévastation, dégât*), причем Горлин не

⁷¹ В. М. Истрин назвал «Слово о погибели» «лебединой песней северо-восточной литературы первого периода» (В. М. Истрин. Из области древнерусской литературы. — ЖМНП, 1905, август, стр. 267). Это название кажется нам слишком сложным.

⁷² Werner Philipp. Über das Verhältnis des «Slovo o pogibeli Russkoj zemli» zum «Žitie Aleksandra Nevskogo». — Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte, Bd. 5. Berlin, 1957, стр. 7—37.

⁷³ Werner Philipp. Ansätze zum geschichtlichen und politischen Denken im Kiewer Russland.

⁷⁴ Atti del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche. Roma, 1955, стр. 819—821.